

РЕТРОСПЕКТИВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ГОГОЛЕВСКОЙ РИНОЛОГИИ

Дается общая характеристика контактно-типологических связей ринологических мотивов в произведениях Н.В. Гоголя.

Ключевые слова: Гоголь; ринологические мотивы; концепт; литературные связи.

В отношении связи с ринологическим мотивом имя Н.В. Гоголя является первым среди прочих, в том числе потому, что его творчество опирается на богатую традицию и дает начало таковой. Как предположительный источник прямого влияния на творчество Гоголя – или случай типологической связи – рассматриваются «Иной Свет, или Государства и империи луны» Сирано де Бержерака и творчество Жана Поля. В свою очередь, тема носа в произведениях Гоголя, безусловно, оказала влияние на литературную ринологию XX в.: справедливо говорить о контактной связи с романом П. Зюскинда «Парфюмер», творчеством Ф. Кафки, новеллой Р. Акутагавы «Нос». Типологически тема носа у Гоголя также связана с произведениями, появившимися почти одновременно с гоголевскими, как, например, рассказ Э.А. По «Страницы из жизни знаменитости».

В творчестве Гоголя ринологические мотивы реализованы, среди прочего, в концептах, которые вплетены в сюжет ряда произведений. К ним относятся: еда (и в первую очередь хлеб), стекло, сон, режущие предметы.

Мотив носа обнаруживает свою связь с мотивом еды в различных проявлениях: нос, поглощающий запахи и табак, словно сам является органом пищеварения. В примере: «К водке был подан балык...», при этом судья ...улыбнулся, причем нос понюхал свою всегдашнюю табакерку» [1. Т. 1. С. 398] процесс нюхания табака идентифицируется с процессом поглощения еды. Когда речь заходит о гастрономии, нос дает о себе знать и при воспоминании об аппетитном кушанье он засасывает табак, повторяя приятную трапезу. Однако в этом плане нос может быть амбивалентен: отделившись от лица, он воплощается в хлебе и предлагается на завтрак цирюльнику, т.е. уже сам становится едой. Такое превращение содержит в себе очевидную пародию на христианские обряды, где хлеб фигурирует как символ плоти Христа [2. С. 231–233]. И, наконец, непосредственную связь носов с хлебом Гоголь устанавливает, превращая лица – место, где находятся или должны находиться носы, в хлеб. Имеет место традиционное гротескное пограничное состояние тела, беспрерывно переходящего из одного состояния в другое: выпеченный хлеб – это почти то же, что и нос, а нос и лицо – это почти хлеб [3. С. 38].

Еще один аспект ассоциативных связей, в которых участвует мотив носа, – это стекло. Помимо сравнений с выпечкой, лицо сравнивается с пузырьком, изображение которого появляется уже на обложке повести, выполненной Гоголем [4. С. 414]. Лица у Гоголя часто ассоциируются с бутылками и тому подобными емкостями. Лицо может быть «похоже несколько на аптекарский пузырек» [1. Т. 1. С. 582], а также именоваться «кувшинным рылом» [1. Т. 2. С. 386]. Ковалев, одержимый ежедневным разглядыванием носа в зеркале, теряет его, но взамен ему предлагается переместить

нос за другую стеклянную поверхность: положить в пузырек. Разница при перемещении носа Ковалева заключается лишь в «пузырьках», в которых оказывается нос: на лице-зеркале Ковалева или в пузырьке, предложенном доктором. Подтверждает это и эпизод в повести «Нос», где нос сравнивается с пробкой: «Но нос был как деревянный и падал на стол с таким странным звуком, как будто бы пробка» [1. Т. 1. С. 477]. Таким образом, лицо-пузырек Ковалева, потеряв нос, потеряло свою «затычку».

Как известно, в первоначальной редакции события повести «Нос» объяснялись тем фактом, что они происходят во сне. Сон – тоже концепт, причем он является палиндромом слова «нос». Начало сна, в который превращается вывернувшийся наизнанку нос Ковалева, семантически совпадает с поверхностью зеркала, которое внезапно отказывается отражать нос майора. Что характерно, в сборнике Тартуской школы зеркало определяется как «граница семиотической организации и граница между “нашим” и “чужим” мирами» [5. С. 4]. Сон влечет за собой ряд других зеркальных переворотов. Например, Ковалев вместо носа в зеркалах видит «место совершенно гладкое, как будто бы только что выпеченный блин», а сам отделившийся нос, которому как раз положено быть гладким, представляется ему господином, обретшим собственную рельефность, в том числе лицо, которое он, правда, прячет в «стоячий воротник» [1. Т. 1. С. 465].

Заявления о потере и уязвимости носов встречаются у Гоголя в нескольких произведениях. В повести «Нос» режущие предметы окружают нос Ковалева: цирюльник со своей бритвой (причем «цирюльник» от слова «хирург»), фамилия дамы *Подточина*, за дочерью которой Ковалев волочится. Через корень этой фамилии режущими оказываются и другие понятия в повести, не имеющих по своей природе с лезвиями ничего общего: *чин*, *чиновник*, *управа благочиния*. Также слово «причина»: «или я сам был причиною...» [1. Т. 1. С. 474].

Эти концепты в той или иной мере фигурируют в произведениях, с которыми носологическая тема Гоголя связана контактно или типологически. Так, рассказ Жана Поля «Письмо натуралиста...» («Der Brief eines Naturforschers»), вероятно, перекликается с темой отрезанных носов у Гоголя [6. С. 448–449]: его герой предлагает провести эксперимент, чтобы доказать, что на месте отрезанного носа должен вырасти новый.

Особая связь еды и носов в произведениях Гоголя, возможно, происходит из произведения Сирано де Бержерака «Государства и империи луны». В повести описывается мир, где вместо еды питаются запахами, а носы кроме этой важной физиологической функции выполняют и социальную: крупный нос – главное доказательство благородства и великодушия его обладателя. Такое мировоззрение, где все вращается вокруг

носа, напоминает отношение к собственному носу майора Ковалева.

Анализ творчества Гоголя и Кафки в сравнительном аспекте проведен многими исследователями. В частности, вопрос о сопоставлении повестей «Нос» и «Процесс» поставлен в статье В. Эрлиха. Ю. Манн отмечает вслед за ним такие пересечения произведений, как общность в манере повествования, подчеркивающая реалистичность событий, отсутствие внешней силы, объясняющей фантастику, возникновение перемен в жизни героев вместе с пробуждением ото сна и подчеркнутое отрицание авторами связи событий со сном [7. С. 165]. Помимо прочего, очевидным является факт, что в произведениях Кафки, как и у Гоголя, большое значение имеет поэтика телесности. Об «аномалиях, граничащих с уродством, во внешности персонажей» кратко говорит в своей статье Ю. Манн. В этом плане стоит особенно отметить носологические мотивы: актуализация темы носа в произведениях Гоголя всегда связана с какими-либо нарушениями. Это может быть как чрезмерно выдающаяся или уродливая форма носа, так и его полное отсутствие. Носы кафкианских героев также странны своими особенностями, которые могут остро и безобразно свисать, быть большими и крючковатыми, свернутыми набок.

Концепт еды также представлен в носологии Ф. Кафки: как и у Гоголя, описание поглощения еды подчеркнуто соседствует с описанием носа – нос реагирует на глотание и жевание и покрывается капельками пота, так что создается впечатление, что он активно участвует в этом процессе.

Кроме того, носы в произведениях Кафки, по замечанию А. Синеок, едва ли не формируют сюжет и судьбу героев: искаленные носы, кровь из носа неизменно предвещают тревожные события, незаурядные – несут будущее [8], что, очевидно, также указывает на то, что ринологический мотив играет особую роль в его творчестве.

Роман Зюскинда «Парфюмер» обнаруживает ряд схожих мотивов с творчеством Гоголя в отношении темы носа. Одно из сходств, наиболее бросающееся в глаза, – нос как самостоятельная субстанция, свободно разгуливающая и независящая от каких-либо человеческих факторов. Аналог носа в мундире, утверждающего, что он – «сам по себе» [1. Т. 1. С. 466], встречается

и у Зюскинда – в виде главного героя, вся жизнь которого замкнулась лишь на одорологической деятельности и который умеет быть похожим человека, но – как это несколько раз подчеркивается – таковым не является. Как и оказавшийся в хлебе цирюльника отрезанный нос майора Ковалева, Гренуй был подкинут в чужой дом – патеру, который тоже надеялся увидеть в корзинке вместо младенца угощение: орехи или фрукты. Словно повторая кощунственное появление носа Ковалева в Казанском соборе, герой Зюскинда посещает церковь, где размышляет о своем бесконечном величии.

Мотив еды в связи с носом обыгрывается в романе «Парфюмер» самым различным образом: начиная с бесчисленных пищевых метафор, применяемых для описания запахов, и закачивая финальной сценой пожирания тела Гренуя взбесившейся толпой. Как и у Гоголя, здесь имеет место религиозная травестия: тело, съдаемое как хлеб.

Концепт стекла проявляет себя также самым непосредственным образом. Стекло здесь – это флаконы духов, инструменты парфюмера: колбы, склянки. Образы, связанные со стеклом, символизируют определение себя Гренуем: лишенный собственного запаха, словно пустой стеклянный флакон, он способен идентифицировать себя только будучи наполненным ароматом, отождествляя себя с ним. В данном случае также уместно провести параллель с повестью Гоголя: нос Ковалева в банке и обожаемые Гренуем ароматы во флаконе являются для каждого из них необходимым условием подтверждения их мнимого существования.

Очевидным последователем Гоголя в носологии является, кроме того, японский писатель Рюноске Акутагава, чье творчество испытало значительное влияние русской литературы, который написал «зеркальную» относительно повести «Нос» новеллу под таким же названием. Как и у Гоголя, нос занимает центральное место в жизнеощущении главного героя, который страдает не от его отсутствия, а от его чудовищного размера.

Таким образом, рассмотренные произведения включают ряд мотивов, подтверждающих наличие контактных или типологических связей с носологической темой Н.В. Гоголя, что позволяет говорить о значительных возможностях подробного их сравнительного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гоголь Н.В. Сочинения: В 2 т. М.: Худ. лит., 1969.
2. Вайскопф М.Я. Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст. М.: Радикс, 1993. 590 с.
3. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Худ. лит., 1990. 541 с.
4. Дунаев А. Гоголь как духовный писатель. Опыт нового прочтения петербургских повестей // Искусствознание. 1998. № 1. С. 391–427.
5. К семиотике зеркальности // Зеркало. Семиотика зеркальности. Тарту, 1988. С. 3–5.
6. Michaela Böhmig: Die «Nasologie» Jean Pauls, eine Quelle für Gogol's «Nos»? (Ein Beitrag zur Rezeption Jean Pauls in Rußland) // *Tusculum slavicum. Festschrift für Peter Thiergen*, a cura di E. von Erdmann, A. Isaakjan, R. Marti, D. Schumann. Zürich, 2005. P. 441–461.
7. Манн Ю. Встреча в лабиринте: Франц Кафка и Николай Гоголь // Вопросы литературы. 1999. № 2. С. 162–186.
8. Синеок А. Носология Франца Кафки. Режим доступа: <http://www.kafka.ru/about/nos.htm>

Статья представлена научной редакцией «Филология» 24 января 2009 г.